

18+

Мамаша Дорсет

ИЗ ПУШКИ ПО ВОРОБЬЯМ

стихотворные пародии и пасквилы

Мамаша Дорсет
Из пушки по воробьям.
Стихотворные
пародии и пасквили

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349263
ISBN 9785449665119

Аннотация

Долго думала, а стоит ли издавать подобную книгу. Но не так давно друг написал мне, что мои пародии читаются на театральных капустниках и вообще продлевают жизнь. И я решила, а почему бы и нет, тем более, что стихов, вошедших в сборник, в интернете нет, их давным-давно удалили за нетолерантность к авторам исходников. Уж больно нежные они, эти авторы, туды их в качель!

Содержание

Из пушки по воробьям	6
Гусар поэзы	8
Конец мягкого знака	12
Пещерные угрозы	13
Весенние бубенцы	15
Внучка Шапокляк	17
Персептроны любви	19
У глупости особые законы	21
Офелия из палаты намбер сикс	23
Мышиная новелла	26
Карл у Клары украл кораллы	28
Рыжеволосая колдунья	30
Новая Галатея	32
Восхождение муравья по телу поэта	35
Русский Голливуд	37
Девушка с веслом	39
Трусы в крыжовник	42
Ностальгическая сказка на ночь	44
Принцесса на бобах	47
Дитя асфальта	49
Ах, вернисаж, ах, вернисаж!	51
Сивилла из коммуналки	53
Москва -Петушки	56

Вершки и корешки поэзы	58
Федя, дичь!	60
Конь в пальто	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Из пушки по воробьям
Стихотворные
пародии и пасквили**

Мамаша Дорсет

© Мамаша Дорсет, 2019

ISBN 978-5-4496-6511-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из пушки по воробьям

Авторов исходников я специально не искала. Как говаривал дед Щукарь в известном романе, – они сами припрыгали. Одни хотели научить меня писать стихи, других раздражала моя способность быстро реагировать и давать отпор особо борзым, третьи собирали команду и всем скопом наваливались на меня, в надежде хамством победить способность и умение защищаться. Отвечать бандитам руганью на ругань я считаю ниже своего достоинства, но пристыдить их пародией или пасквилем – в самый раз, это оружие более эффективно, недаром они постоянно жалуются на меня. Все эти пародии были удалены модераторами сайта Стихи.ру именно по многочисленным жалобам «трудящихся» над рифмами, дабы оставить потомкам свой след в литературе. Я считаю пародийный жанр исключительно разминкой для мозгов, так как тема задана, ритм тоже, остаётся только написать стишок «по образу и подобию», что для меня не составляет особого труда. Говорят, мои подражания злые, но я не собираюсь быть снисходительной к тем, кто коверкает русскую речь или с помощью скандалов желает прославиться на литературных сайтах. Последнее особенно относится к моему «любимому» автору, Марине Пономарёвой, которая в любой полемике не гнушается мата и других подзаборных идеоматических выражений, чем снискала всеобщую непрязнь

и удаление с приличных ресурсов. Моё внимание ей удалось привлечь бешеным напором и безудержной фантазией с элементами автобиографичности.

Мамаша Дорсет – мой творческий псевдоним, под которым я писала юмористические рассказы в далёком прошлом. Меня не раз спрашивали, почему именно «мамаша Дорсет», на что я отвечала, что раз был папаша Дорсет, то должна была быть и мамаша, не вождём же краснокожих мне было себя назвать.

Гусар поэзы

Гусар скучал, хоть он не ведал грусти,
Но втуне понимал, как скуден ум.
Он выпил шнапсу, думая, – отпустит,
Но лишь устроил в мыслях лишний шум.

Ему казалось, – он не стар и может
Ещё девиц наружностью смущать
(Так иногда беззубый мясо гложет,
Не в силах челюсть жадную разъять).

К нему девицы были равнодушны,
И, чтобы данный прекратить бардак,
Решил гусар, речам друзей послушный,
Начать писать, рифмуя. Наш чудак

Взял в руки перьев целую пригоршню,
На них, крестясь, со смыслом поплевал,
И, став подобен паровому поршню,
В чернильницу их резво запихал.

Шли рифмы, шли! Но были все убоги,
Рубака-парень был успешно туп.
Ему казалось – все удачны слоги,
Которые он выпустил из губ,

Но рифмовались лишь одни команды
И подначальных возгласы солдат,
«Тлябля», «блятля», уф, что поделать, надо
Тренировать свой грешный агрегат,

Ну, что тут скажешь, модно стало ныне
Бабёшек стихоплётством завлекать, —
Гусару горше самоёй полыни
Усы крутить в безвестности. Как знать,

Быть может, и на это клюнет тётка...
Уже клюёт? Вот это коленкор!
И пусть она с рожденья идиотка,
Но зад её на «рифмы» дюжа спор!

Гусар залёг, как пугало, в засаде
(Но перьев из руки не выпускал),
И думал, как подкрасться к тётке сзади, —
Ведь он на память эту позу знал.

И пусть имел жану он для блезиру,
Мечты ему давно сверлили плешь,
Мол, быть тебе, красавцу, хоть и сиру,
И в рифмовальцах, – «посоля, поешь»,

Но ведь известность тож горбом даётся,
И, сколько жисть в сраженьях не итожь,
От этой славы пепел остаётся,
А от поэзы, пусть и чёрствый, – корж.

Гусар свой ус простёр над чахлою грудью,
Поправил упоённо эполет
И прошептал: «Ужо мне эти судьи!
На графомана в мире судей нет!»

И так лежал в засаде годы кряду,
Жана харчи носила в борозду
И подсыпала в яства эти яду, —
Умри, предавший женину ...зду.

Гусар потел, хирел, но был упорен,
Хоть не давались слава и бабьё...
Уж больно был он от рожденья вздорен,
И так любил остаться при своём!

Над ним уже смеялись и в казарме,
И на конюшне ржали скакуны,
Но он, своей подмахивая карме,
На критиков пыхтел: «Вот серуны,

Поди, в бою сойтиться б не посмели, —
Я быстро отоварю пяткой в лоб, —
Пождите все, на будущей неделе
Такую выдам басню, сдохли чтоб

От зависти, проклятые отродья!»
А дальше текст попросит перевод...
Так, следуя безумию и моде,

Гусаров много на земле живёт.

Наш случай дури лишь в одном отличен, —
Он затянулся, словно имярек
Совсем не видит, как он неприличен,
Писчебумажный этот человек.

Что нужно мужу, чтобы встретить старость?
Седого благородства и ума,
Таланта быть мужчиною, хоть малость.
У нашего гусара их – нема.

С утра до ночи наш бедняк в засаде,
Он ловит каждый вздох и каждый бздёх,
Чтобы бежать на шум и, славы ради,
Быть ловким, как кобель при ловле блох.

Конец мягкого знака

Геомант

Член РСП

Когда я перестану тебя ждать,
Любить, надеяться и верить,
То я закрою плотно окна, двери
И просто лягу умирать...

Ляг и умри, несчастный! Мягкий знак
Рыдает на задворках мироздания.
Надеяться он тщится, но никак
Поэт с ним не приходит на свиданье.

И будь он членом, хоть каких, систем,
И будь он трижды даже медалистом,
Но мягкий знак здесь нужен был затем,
Чтоб в неучи не вылететь со свистом.

Пещерные угрозы

Вам Это Понравится
О насущном

И в Париже и в Банкоке
я ужасно одинокий.
Но как вспомню Бирулёво
на душе светло и клёво)))

*

Подступают базы НАТО
ближе всё к родным пенатам.
Пустобрёхи томагавки
на кого посмели гавкать?
Иль забыли, что в чулане
Булава лежит у Вани?

Я Бангкок от слова «банка»
Написал, на то и Ванька.
Бирулоид настоящий,
Я смотрю в заветный ящик.
Что мне рифы и атоллы,
Мне в родном навозе клёво.
А загар не снится даже,
Больше грязи, сердцу гаже.
Бадам НАТО я не рад,
Лучше НАТОЫ голый зад.

Наши падают ракеты,
Словно груши, в поле где-то.
Стану палкой воевать,
Вышел зайчик погулять.
Раз сказал плешивый, – «в рай!»,
Значит, сопли подбирай
И готовься стать котлетой
На одной шестой планеты.

Весенние бубенцы

Марина Пономарёва

Новый май

*

Нынче нежность, совершенно иной маркировки.
Нежность – она ощутима – так песок ощущает стопы.
Я выкину старые платья. Я купила себе кроссовки.
Я купила лишь для тебя – новый опыт.
Новой чувственности....

Весенние бубенцы

Отзвенят. Заполнят кухню гармонией.

Ты на линии? Улыбки в песочных часах —

Вместо песка. По утрам после кофе, долго возишься
с молнией.

*

Знак качества держу на видном месте,

На кухне, где настенный календарь.

Рука сама автопилотом крестит

Мой лоб необразованный, как встарь.

Но пентаграмма этого не любит,

Рука отсохнет, ладили попы,

А я, топорща в ожиданье груди,

Опять к фетишу правила стопы.

Во мне, к кому не знамо, нежность зрела,

Я, пятками предчувствуя беду,
Кого не знамо, так всего хотела,
Ведь для него сто лет себя блюду!
Есть бубенцы у каждого в наличье,
Но опыта не купишь за деньгу.
А я от страсти верещу по-птичьи
И перед «этим» волосы стригу.
Лишь только загремят ключи дверные,
Я в непонятках прыгаю к дверям...
Пообещай мне горы золотые,
А я тебе, пришелец, даром дам.
Эксперимент души моей песочной,
Валгалла чувства, тайное сверло,
Лиши меня природы непорочной,
Разбей меж нами времени стекло!
Но проза, в жизнь вторгаясь, как подсказка,
Мол, износились боты и пальто,
Молниеносно достаёт из сказки,
Мечту о чуде превратив в ничто.
И, молнию на джинсах затворяя,
Из койки снова вылезло мурло...
А на дворе опять проделки мая,
И, как обычно, с чудом не свезло.

Внучка Шапокляк

Марина Пономарёва

Вы не узнаете...

...В женский ридикюль
Сложу все звёзды, помощь и траву,
И девять вечеров в лиловом цвете...
Но нет на вас похожих в целом свете!
Пишу стихи – всё недостойно! Рву!
*

Чем хуже мне, тем выпреннее стих.
Я, как тровант, расту, как бородавка.
Передо мною даже ветер стих,
Собаки тоже перестали гавкать.
Я лучших качеств зеркало, душа
Моя, как мыло, выскользнет из тела
И полетит куда-то там, двоша,
Сама не зная, что она хотела.
Какая серость подо мной внизу,
Сияю в небе, как звезда героя.
Я миссию прекрасную несу
И свой умище от толпы не скрою.
Живу легко, вернее, налегке
И влѣгкую пишу и сочиняю.
Я вся – порыв, в космическом броске

Лечу, бегу, плыву, скачу, хромаю...
Ах, как мне Вас, читатель поразить
«На том конце замедленного жеста»,
Как спеленать, как фразами скрутить,
Как вылепить сюжет их словотеста!
Я щебечу, как курский соловей,
Я скрежещу, как петелька дверная,
Я с каждым звуком и добрей, и злей,
Я грешная, но, видится, святая.
Несу судьбу, как за плечами куль,
Моя любовь не каждому по силам.
Достался мне от бабки ридикюль,
Она всегда под Шапокляк косила.

Персептроны любви

Марина Пономарёва

Елоховский собор растёт из неба.
В той точке, где разорванный брезент.
Ты проникаешь правилами Хебба
Сквозь общий сон и памяти фермент.

Послушай, мама! Во дворах Басманной
Всё та же сырость. Слякоть. Непокой.
Я вновь влюбилась... Как? Тебе не странно?
...Мелькнет улыбка в свечке восковой.
*

Прекрасны персептроны Розенблатта,
Не может быть хреновым персептрон.
А у меня вообще ума палата, —
Ферменты мысли всем несут урон.

Послушай, критик, ты не креативен, —
Всё те же сказки врёшь про здравый смысл?
Ведь ты, по сути, слаб и дефективен,
У тому же, головою старой лыс.

Растут из неба грузди и поганки,
Ещё сосули всякие растут,

Илья Пророк давно ездец на танке,
И даже Моисей сменил статут.

Так что ж вы все куражитесь и ржёте,
Брезенты ваши – это не батут.
Нейтрино постоянно при работе,
Пронижут нафиг и башку снесут.

И свечки – это вам не персептроны,
Зажжёшь одну, пошепчешь, – пирожок.
Кому-то, может, писаны законы,
По мне, так мир – постылый драмкружок.

Влюблюсь, пожалуй, будет чем заняться.
Забуду я про синхрофазотрон,
Ускорюсь так, что поглупею, братцы!
И выйду из вселенной этой вон.

У глупости особые законы

Валя Кальм

Вдыхаю хвойность розмарина
в старючем глиняном горшке.
«Я не люблю тебя, Марина»
засела мысль в моей бошке.
Хоть застрелись или повесься
иль бесприданницей ко дну,
твои стихи придонной взвесью
сманили душу ни одну

*

иные топятся и ныне,
пугая щуку и треску.

*

Дрожа в космическом компоте,
убей уныние и хмарь.

В одном записано блокноте:

«имеешь право, хоть и тварь*»

*«Тварь я дрожащая или право имею» (Ф.
Достоевский)

Дрожа в комическом экстазе,
Я прочитала сей компот.
Какой процентщице, заразе,
Покоя Муза не даёт?

Имеет тварь, конечно, право,
Не только пить, не только есть,
Но и налево, и направо
Блохастую раскинуть шерсть.
В её башке сомнений нету,
Какой ногой чесать живот,
Она сживёт того со свету,
Кто ей полаять не даёт.
У твари нет других понятий,
Как только миску охранять,
И тварей этих просто рати,
А пародистов только рать.
Увы-увы, дрожу и плачу,
И к совершенству не стремлюсь.
Зачем пародии фигачу,
Пойду и с хохота напыюсь.
Вы, Достоевский, просто фуфель,
Старорежимный идиот.
Стишок у твари чистый трюфель,
Шедевр, конфетка, стопятьсот!
Вдыхаю Музины миазмы,
Её сегодня просто прёт.
Дошла старуха до маразма,
На ширпотреб она клюёт.
Как быть, не знаю, вот загвоздка,
Сама от запахов ташусь.
Не помогает даже водка
С названьем стародавним «Русь».

Офелия из палаты номер сикс

Марина Пономарёва
Семейная Офелия

Когда я тебя найду,
Посажу гиацинт на твоей могиле!
Ты – Офелия в клейком иле,
Хоть не тонула в пруду....

*

Закричи, зарыдай, завой —
Распознаю, прижмусь к осине.

*

Дикий шёпот застыл в углах,
Пахнут койки мочой и потом.
Одиночество – здесь не страх.
Помер кто? Открывай вор-р-ота!

*

Круглощёкая! Выше нос!
Я – иду. Я ищу. Я у цели.

В доме скорби полно царей,
В доме скорби полно придворных,
Так же, много там упырей
И притворных, и непритворных.
Там врачи так и ждут, чтоб им
Током выбить у всех признание.

Но на том, мы, цари, стоим,
Что своё бережём сознание.
Мы кусаем, грызём зажим,
Мы орём и вопим по-царски,
Мы пинаем ногой вражин
Со всей силою пролетарской.
Тут недавно один Гамлет
Табурет отвинтил от пола
И давай им крушить паркет...
Санитары сочли крамолой,
И Гамлета скрутили так, —
У страдальца полезли слюни,
Врач (на эти дела мастак) —
Запер бедного принца втуне.
И Офелия сразу вдрызг
Напилась галлюциногенов,
Подняла натуральный визг,
Стала биться башкою в стену.
Тут завывала её родня,
Почитай, вся палата сразу, —
Без Шекспира у нас ни дня, —
Понесли её мыть, заразу.
Провоняла весь коридор,
От волнения кусала пальцы
И молола про принца вздор,
Мол, сожрали неандертальцы...
А потом наступил обед,
Принца выпустили на волю.
Золотой-то посуды нет,

Растащила всё челядь, что ли,
Нам, царям, не везёт давно,
Вилок нет, а ножей – в помине,
Чтоб не ели своё говно,
Нам кладут еду в алюминий.
Во дворе здесь роскошный парк:
Лопухи, белена от сплина,
И душистый растёт табак,
И листвой шевелит осина...
Всё в ажуре на тыщу лет.
И уколы – совсем не больно.
Снова что-то кричит Гамлет,
И Офелия подконтрольна.
Заходите к нам, если что,
Вы же все там немножко психи,
Добровольный порыв учтём
И по-царски мы будем тихи.
Если ж рыцарь какой с мечом
Или с думой своею тяжкой,
Не расстанется нипочём
Со смирительною рубашкой.

Мышиная новелла

Марина Пономарёва
Вселенная

Это вам ли не знать про бесформенность неба
и мира?

Можжевельником пахнут сердца журавлей и ракет.
У параболы нет ничего, кроме линий пунктира.

*

У искусственных птиц не линяют железные перья.
Золотится душа где-то в недрах ревущих турбин.

По параболе смысла карабкалась мышка-норушка,
А лягушка-квакушка сидела на самом верху.
«А» и «Б» протвишок по глоточку тянули из кружки,
И цыган продавал на базаре портки и доху.

У колёс поломались надясь деревянные спицы,
В холодильнике вырос большой соляной сталагмит,
Потому мышка там не смогла на шнурке удавиться,
И теперь по параболе с горя упорно скользит.

Это нам ли не знать, что планета кругла, не квадратна,
Что кита усыпили, сварили давно черепах?
Эта мышь задолбала, ползёт то туда, то обратно,
Квадратичной эпюры изгиб у неё на зубах.

Гонит голод зверушку, рефлексy её тривиальны.
Месяц сыром пропах, звёзды – хлебные крошки планет...
А парабола неба прогнулась дугою астральной,
И с устатку хлебнул самогону пшеничного дед.

Мышеловку поставил к параболe изверг замшелый,
А потом завалился в кровать и вовсю захрапел.
И лягушка от счастья весёлую песню запела,
«А» и «Б» прослезились, цыган от натуги вспотел.

Где-то в недрах вселенной растут мухоморы и клизмы,
Офигевшие мчатся кометы, топорчатся сны...
И ползут по эпюре нахальные толстые слизи,
И осыпалась перхоть с поверхности полой луны.

Карл у Клары украл кораллы

Марина Пономарёва, Изба-Читальня

Кружево

*

Кораллы простых фигур, недоказанность теорем...
Вплетаются в позвонки, осадком ложатся донным.
Не каждому повезло, понять назначение клемм —
Попробуй-ка, раздели... себя на любовь и гормоны.

*

Кораллы у Клары Карл украл, не назвав причин.
Негодник, а говорил, что любит её безмерно.
Не сразу он пропил их, теперь вот живёт один
И очень по Кларе он скучает, и гробит нервы.

А Клара пошла вразнос, гормоны берут своё,
Чем старше её душа, тем больше желает страсти.
Работает, как мотор, большое сердце её,
Любит желудок её коньяк, виноград и сласти.

Клара, дыша взахлёб, не склонна грустить совсем.
По линиям на руке, пенсия далековато.
Клара – не Перельман, ей не решать теорем,
Деньги оставят ей на столике прикроватном.

Карлу не светит здесь волшебной любви и ласк,

Хоть сколько под дверью стой, бейся лицом в перила...
Сегодня у Клары гость, пришёл заграничный Маск,
Её пригласит на Марс подъёмная Маско-сила!

Рыжеволосая колдунья

Марина Пономарёва
руническое

С годами крепчает достойный коньяк.
И нервы становятся крепче.
Меж Рунами – зябко. Гуляет сквозняк.
Мне глупости на ухо шепчет!

*

Пустышка-пустышкой, учи не учи!
Цыганские карты соврали:
От Рун обещали пароли, ключи,
А нынче читают морали.

*

Как жаль, что ни руны не дарят тепла,
Ни боги в краю позабытом,
И Лета давно мимо глаз утекла,
И рифма накрылась корытом.
Гадаю на картах, мышинных костях,
Чаинках и гуще кофейной,
Колдую ночами на крышах, мостах,
Варганю напитков репейный.
Примочки с пиявками ставлю на лоб,
Ищу под завалами клады,
Чтоб нервы окрепли и выиграть чтоб

Мне главные в жизни награды.
Пройдёмся по списку: квартиру хочу,
Сервант, и машину, и шубу,
Поэтому шарик хрустальный верчу
И жабу зарыла под дубом.
Кидаю монетку, она на ребро
Сама не встаёт, как заело.
В кармане ношу постоянно «зеро»,
И в шее прострел то и дело.
С годами крепчают люмбаго, маразм,
Альцгеймер грозит из-за двери,
Тускнеет волшебный завещанный страз,
И в жизни сплошные потери.
Дрожат амулеты, звенят на груди,
Ласкает надежда сознание...
Мне шепчет сквозняк, – всё ещё впереди,
Камлай, помогает камланье.
Но негде разжечь ритуальный костёр,
И бубна шаманского нету.
Чтоб жабу коварный ворюга не спёр,
Её стерегу до рассвета...

Новая Галатея

Марина Пономарёва
Пластилин

_____ Украдкой
Меня, как мягкий пластилин,
Лепили Вы не ночью сладкой,
А в дикий холод. Хроматин —
Узорчат и крылат в сетчатке
Души проколотой насквозь.

*

Я стану пеной иль протоном,
Но никогда к вам не ворвусь —
Нарушив рамки и приличья!
Лишь в полудрёме, на беду
Вас обнимаю и по-птичьи
Бросаюсь в рыхлую скирду.

Сперматозоид был удачлив
И словно в яблочко попал, —
Не пренебрёг задачей брачной,
Гомозиготу оседлал.
И вот продукт любви и страсти
Уже из мяса и костей
На волю вырвался без «здрате»,
Свалился прямо на постель.

И понеслась душа по кочкам
От манной каши к колбасе,
От соски к пудре и чулочкам,
Такая ж борзая, как все.
(Пигмалион – наивный малый,
Потратил мрамор ни за фук.
Ведь говорили же, не балуй,
А он ей раз, и пару рук.
А он ей раз, и пару ножек,
А после *опу и язык...
Теперь никто сказать не может,
Почто корячился мужик).
Вернёмся к нашей синей птичке.
Не Галатея, но почти.
И ножки вроде бы не спички,
И ручки вроде не крючки,
И глазки хлопают, как надо,
И грудки лезут в небеса,
На губках красная помада,
И распушились волоса,
Да всё никак из пластилина
Никто не вылепит мозги,
Чтоб было думать чем... Марина
Глядит, а на дворе ни зги:
Пигмалионы вышли в люди,
Пустив весь мрамор на поток.
Путь в Галатее нынче труден, —
Даниле мастеру цветок
Достался проще, чем иные

Мудрят над каждою строкой
И пишут бредни проходные
Своею мраморной рукой.

Восхождение муравья по телу поэта

Марина Пономарёва
Водокрас

Украдкой прикоснусь к руке!
И будто воды Междуречья,
По линиям через предплечье,
Вдоль берегов в моем мирке,
Поднимут к небу водокрас,
*

Целую в щеку, но тянусь,
Душой пылающей, чуть выше...
*

Ползу по белому столбу
Сквозь лес неведомый и жуткий,
Бугры миную и судьбу
Клянусь, – блуждаю скоро сутки.
На чём-то влажном торможу,
Барахтаюсь, встаю и выше
По гладким складкам восхожу,
Скольжу, цепляюсь, вот и ниша
Нависла сверху, словно шар,
Ползу, кряхчу спиною книзу,
Я заблудился, вот кошмар,
Бреду по скользкому карнизу.

Да, я герой, я муравей,
Осилит этакую гору,
А сверху дует суховей
Туда-сюда, рехнуться впору.
Опять ползу, предела нет,
Как видно, этой Джомолунгме,
Отсюда б передать привет,
Да снова вполз, похоже, в джунгли.
Хоть эти гуще, ей же ей,
Здесь ничего съестного нету,
А я голодный муравей.
Давно я ползаю по свету,
Но никогда подобных гор
Я не встречал, вот это номер...
И потерял герой задор,
И с голодухи тихо помер.
Мораль: осилить не стремись
Того, что не окинешь взором.
С судьбою муравья смирись,
Не то скончаешься с позором.

Русский Голливуд

Валя Кальм

Кино снимают на районе

Кино снимают на районе, на МКС-е маета,
стоят в космическом бульоне, как на Плющихе,
3 кита,

*

А наверху на континентах кого-то штырит и бомбит,
мементо мори, ун моменто, ловушки, Северный
гамбит

пока не шатко и не валко, маразм крепчает и мороз,
китам на спины давит свалка и вызывает спондилёз,
а там недолго и до грыжи межпозвонковой
на хребтах.

Землянин, будь к природе ближе, не испражняйся
на китах!

Менты шмонают в подворотне, любовь пылает в доме-2,
и поножовщину в Капотне опять устроила братва,
Беслан забылся понемногу, Норд-Ост ушёл в небытие,
Керчанец застрелился в ногу, фонарь разбили на столбе,
опять не чешется начальство, а НАТО лезет на восток,
как на литсайтах ты не чалься, а гонор вылетит в свисток.
Контора пишет разнарядки, с экранов льётся пое*ень,
а у дебилов всё в порядке, дебилы рады целый день

и, сколько им ни проповедуй, они уверены вполне,
что воевали наши деды за то, чтоб жили мы в говне.
Пока ни шатко и ни валко в объёме усыхает мозг,
готовят для народа палки, и строится с Китаем мост.
Кому какие интересы, – кому пальто, кому кино,
кому быть дурнем без подмеса и кушать ложками говно.

Девушка с веслом

Марина Пономарёва

Где под дождём вымаливают мальвы...
Из цикла «лики Солнечногорска»

Где под дождём вымаливают мальвы
Себе покой, нетронутый грозой,
Где гипсовые львы тягучи, плавны,
В кусочках мха сливаются с росой...
Ворота покосились. В ржавой пене,
Что дышит с вишней воздухом одним,
Забывтый дом среди кустов сирени,
С крыльцом прогнившим,
влажным,
но родным... Сниму при входе шляпку из соломы.
Присяду в мокрый сломанный шезлонг.
Мне ключ незримый тихо, невесомо,
Любимый кто-то положил у ног...

В деревне нашей в стиле ренессанса
Стоит статуя – девушка с веслом,
А конюх Фёдор нам поёт романсы
Под выходной, а после пьёт рассол.
Он клавиши терзает у баяна,
Растягивая свой беззубый рот,
И скотница, коровница Марьяна,

Ему, бывает, тоже подпоёт.
Наш клуб стоит как раз перед болотом,
В ём с трезвой головы утоп косарь.
Мы там танцуем тангу по субботам,
И лучше всех танцует наш свинарь.
Его зовут кто Стёпкой, кто Степашкой,
И запах от него идёт смурной.
Он приударил за одной Наташкой,
Ходил за ней с цветами и халвой.
Она халву брала, но не любила,
Свинарь, вишь, запил из последних сил.
Одной свинье он так начистил рыло!
Потом её в болоте утопил.
Прославился колхоз наш на районе,
У нас полно Ромевов и Жульет,
И каждый от любви бездонной стонет,
Неважно, скока мученику лет.
Прогнили все перила, крыльца, крыши,
Не ловится в пруду у нас карась,
Зерно сожрали скаредные мыши
(Они у нас все с кошками вась-вась).
Цветут цветы в садах и сеновалы
Текут в грозу, ни сесть там и ни лечь,
Но есть поэтов здесь у нас немало,
Мы будем нашу грамоту беречь.
И пусть колхоз наш вдруг уйдёт в бучило,
Иль вообще он весь пойдёт на слом, —
Останется одно свиное рыло, —
Стихи напишет девушка с веслом!

Трусы в крыжовник

Пономарёва Марина
У мамы в маках платье
*

Красный галстук бьётся
На груди, как птица.
Что мне так неймётся,
Хоть уже за тридцать?!
*

Мамины загадки,
Школьная тетрадка...
Это всё крупницы
Ближких мне историй.
Любимые ресницы...

Родилась я в муках,
Родничок заросший,
Трудно было пукать,
А трусы – в горошек.
Если мне давали
Сладкую конфету,
Я была в печали,
Ведь другой-то нету.
Выросла немножко,
Стала октябрёнком,
Поломала ножку,

Закричала тонко.
Подросла немножко,
Стала пионеркой,
И другую ножку
Сломала этажеркой.
Вот она, непруха,
Вот она судьбина,
То ударят в ухо,
То стучат в горбину.
Я читала книжки,
Я точила ногти,
Не носила стрижки,
Не кусала локти.
Локон красный вьётся,
С горки едут лыжи,
Что-то мне неймётся
Хоть трамплин не вижу.
Как бы не захныкать, —
Вдруг сломаю ножки,
Будет гоп со смыком,
Ссыплются горошки.
Разлюли малина,
Скоро сороковник!
Мне б адреналина
И трусы в крыжовник!

Ностальгическая сказка на ночь

Марина Пономарёва
Детство. Дачное

Сказки Гримм. Оранжевый ночник.
Из детства книги
Страшно постарели!
Ложится память строчками в дневник.
Скрипят качели.
Крутится юла.
Сегодня мир не пахнет пирогами.

*

Пятно на скатерти...
От сочных нектаринов.
Идут года. А детский дождевик,
Раздутый на ветру,
Как будто парус,

*

У зеркала тускнеют амаранты.
Ворчливый домовый, пригладив шерсть,
Толкнёт куранты.

Пригладив шерсть, прошёлся домовый
По дому, заскрипели половицы.
Он был немного борзый и хмельной,
Глядь, на кровати – рыжая девица.

Красавица! Лохмач тот час вспотел,
Подёргал носом и поджал колени...
Он притворяться в чувствах не умел,
Забегал, отдышаться вышел в сени,
Дров наколол, задал коню овса,
Траву скосил, маша косою пристрастно,
Но всё не шла из глаз его краса,
Что спящей видел. Да, кому не ясно,
Любовь пронзила сердце дикаря.
Он жил под печкой вместе с пауками,
А тут, простите, этакая фря.
Эх, надо б не глазами, а руками...
И домовой решился. Вдругорядь
Зашёл, сопя, он в девичью светёлку
И... после стал ей сказочки читать,
Закинув кудри барышни на холку.
Шерсть к шерсти, оба рыжие, всё в масть
Всё сладилось у них, пошла потеха,
Такая разгорелась в девке страсть,
Что надрала из домового меха.
А он, поганец, кроме лешачих,
Русалок, прочей нечисти кондовой,
Смотреть не смел на баб, хотя был лих
И завсегда на игрища готовый.
Но вот свезло ему, как никогда,
Ведь домовой теперь стал выше чином:
Коль пассия в поэзии звезда,
То ты теперь не нечисть, а мужчина!
А дальше-то и вовсе всё тип-топ,

Жаль, что коляски сильно вздорожали,
И лешачат крестить не станет поп,
Которых эти двое нарожали.

Принцесса на бобах

Марина Пономарёва

Эта дача забыта, заброшена.
Эта дача как в горле комок.
У принцессы засохла горошина.
Развязался зловердный шнурок.
Задремала семейная вотчина...
Хорошо спать лицом на земле?

*

Над затылком склонилась ирга.
А в Москве бестолковая дочка,
Дико мёрзнет с того Четверга...

Всё никак не воспряну из детства,
Посюсюкать люблю до соплей.
Ах, моё неизбывно кокетство,
Мне на сердце от соски теплей.
Не принцесса, но я под периной,
Как фетиши, хранила бобы...
Ведь не зря меня звали «ундиной»,
А на лбу были метки судьбы.
Вместо нимба – метёлочка сорго,
Вместо разума – жидкая ртуть,
И без феи, без спора, без торго
Я могу эту туфлю обуть,

Будь она хоть хрустальная что ли,
Натяну, пусть попробуют снять!
Помню я адреса и пароли
Старых сказок, была бы кровать.
Утром глажу шнурки, на затылок,
Словно блин, налагаю берет...
Я живу без серебряных вилок,
Да и ложек серебряных нет,
Но принцесса. Из Золушек вышла.
Только прынц мой – балбес и алкаш.
Сказка – это пречудное дышло,
Хоть за сказку полушки не дашь!
В горле ком. У принцессы одышка.
Из бобов выйдет каша едва ль,
Потому как засушены слишком.
Вот такая случилась печаль.
Только я унывать не привыкла,
Расшибусь, переспорю судьбу.
В огороде пузатится тыква,
Для кареты её берегу!

Дитя асфальта

Марина Пономарёва

Дождливый город запыленных фур,
Зажатый и разбитый дальнебоем.
В твоих тисках не трудно быть изгоем!
Распятым на десятках арматур.
Ты – борщевик. Ты – беспородный хвощ,
Отвоевавший место у обочин.
Ты лишь в жестокости невероятно точен.
Пытаясь гордость показать и мощь.
У здания суда в тени спирей,
Победу ощущаю и усталость.
*

Культур-мультир, базар-вокзал, атас,
Говно и пчёлы, мухи и прорухи.
Как много рифм порой тревожит нас,
И лезет к нам в глаза и даже в уши.
Балашиха мне мать, Солнечногорск – отец,
Окраины мои, я ваша дочка.
Из будущего радостный гонец,
Вас воспеваю буквой, строчкой, точкой.
Здесь каждый столб мне дорог, светофор
Подмигивает разными глазами,
Мелю стихами непонятный вздор

Молюсь пред вами, как пред образами,
О, выбоины езженных дорог!,
О, борщевик описанных обочин!
О, тормозные росчерки и ног
Следы, как мой уют непрочен!
Куда мне до Рублёвки, ведь пешком
Туда брести, как до Китая раком.
Я лучше опишу, как есть, стихом,
Солнечногорск – не айс, но булка с маком.
Из арматуры вырастает дом,
Бетонные мешки стоят рядами,
Я промеж них, как переросток-гною,
С борщевиком поменяный местами.
Как всё же хотца хоть одним шажком
Приблизиться к Рублёвке иль Барвихе...
Нутро грешит завистливым душком,
Воспитанное на горчичном жмыхе.

Ах, вернисаж, ах, вернисаж!

Марина Пономарёва, Изба-Читальня
Измайлово

Мой район похож на колыбель.
Детский сад для тех, кому за тридцать.
*

Вернисажа бисерный берет
Нахлобучен на макушки сосен.
Мой район сердит и високосен,
Потому что мало кем воспет.

Вернисаж – толкучка, шум и гвалт,
Шарятся воришки по карманам...
Я ношу на шее красный бант
В пику перестроечным обманам.

Я сосу драже и леденцы,
С горки мчу на крепкой пятой точке,
Прячу в воду грязные концы
И от кредиторов жду отсрочки.

На районе много разных драм,
У помойки бомжи, да скитальцы.
Место не для утончённых дам,
Гнущих маникюрные пальцы.

Мне досталась страшная судьба, —
Вместо шоколада ела брюкву.
Потому со всеми я груба
И гоню развесистую клюкву.

Мой диван продавлен и скрипуч,
Он подходит мне под ягодицы.
На литсайтах я, как солнца луч,
В жопе музыки – огненная спица.

И теперь на пятом этаже
Безлифтовой зассанной хрущёбы,
В разбитном тюремном кураже,
Я смотрю на несогласных в оба

И грызу буханку и батон,
И рифмую «сосен-високосен»,
И пою с теми в унисон,
Кто бездарен и со мной соосен.

Погодите, будет нам драже,
Монплеизир и всякое такое...
Мы, в своём лимитном неглиже,
Интернационал ещё завоюем!

Сивилла из коммуналки

Марина Пономарёва

Гадание

*

...Просыпаться – лень.
На скатерти забыты карты. Крошки.
Ползут по рамам высохшие мошки
Обгладывая чью-то тень.

Зажги свечу и подойди к столу!
Последний час для нашего гадания.
И старым картам материнским дань я
Отдам, как дорогому ремеслу.

*

Подгузник стар, постиран восемь раз,
Младенец сыр и голоден ужасно.
Гудит на кухне старый керогаз,
Селёдкой пахнет, – жизнь была напрасна.

Прёт из-под пола мерзкий таракан,
Сосед на кухне разливает водку...
Раскладываю карточный аркан,
Чтоб заработать четвертной иль сотку.

Гадаю бабам, девкам ворожу,

Присушиваю разных кавалеров...
Сама-то я гадать себе гожу,
Идейная, из бывших пионеров.

Я – дама пик, мечтаю о судьбе
Сивиллы, на худой конец, – гетеры.
Но коммуналка – это так себе,
В трущобу не заманишь кавалера.

Но хорошо, что старые таро
Дают подзаработать мне на дурах.
Всё в этом мире, словно мир, старо,
Делишки – тут, дела – в прокуратурах.

На кофеёк хватает, сахарок,
На хлеб и масло-колбасу – с натяжкой.
В который раз даю себе зарок
Всё бросить к чёрту, да без кофе тяжко.

Скучает в вазе пыльный амарант,
С тоски уснули мухи в занавесках,
Сосед запел «разлуку», пьяный гад,
Пришла клиентка, чёртова невеста.

Сейчас я нагадаю ей ништяк,
Как милая, мне выложит бабосы.
Умолк сосед, конечно, не за так.
С орущего младенца нету спроса.

Зажгу свечу, туману напущу
И, взглядом Кашпировского сияя,
Грехи клиентке мигом отпущу
И, словно Путин, рай пообещаю.

Москва - Петушки

Марина Пономарёва

Вот и август

*

Всюду осень. Жёлтый топинамбур
Прислонился к спелой черноплодке.

В листьях и окурках тонет тамбур.

И гремит бутылка из-под водки....

Эта электричка встынет в душу.

Тонкой змейкой в золотую насыпь.

Прижимаюсь к дверце и воздушный

Посылаю в зазеркалье трассы.

Электричка, точно стенограмма.

Наконец, всё сделала, что нужно.

*

Еду, плачу пьяными слезами.

Выпита последняя чекушка.

Правда, Петушки не за горами,

Там вокзал, буфет, черняшка, кружка.

Жизнь моя, ты словно зазеркалье,

Маленький унылый полустанок,

Где осталось логово шакалье

И сквозняк болотный непрерывный.

В тамбуре трясёт и пахнет плохо,

Кто блюёт, кто писает украдкой,

Вот и я, поев с утра гороха,
Примостилась утром за палаткой.
Дело-то житейское, поэза
Стерпит всё, и муза не принцесса,
Облегчусь, в вагон обратно влезу
После немудрёного процесса.
Как рифмую! Словно стенограмма,
Под перо моё ложатся строчки.
Бутерброд не положила мама,
Закусить бы. Вдруг откажут почки.
Ничего, теперь-то я доеду,
Громыхнёт и встанет электричка...
Позади мои остались беды!
Вышел стих! Признайтесь, на отлично!
Всюду бездарь возится заезжий,
Чемоданы, кофры и баулы,
Только я опять поллитрой грежу,
Как бы снова гриппер не надуло.
Петушки. Кайфово-петушковое
На душе, конец пути и страхам.
Мой дружбан, Гаврила-участковый,
Выпивает кружку водки махом...

Вершки и корешки поэзы

Марина Пономарёва

Лес

Над нашим лесом – синеватый пар.

Обледенели на морозе астры.

*

Живая – на бумагах и в кадастре.

Физалиса над снегом огонёк.

Рисую солнце на окне машины.

Мне было совершенно невдомёк,

Что есть вершки, но это не вершины.

Меня поймала жизни канитель,

Пусть проглотила, но не прожевала.

*

Живёт же кто-то, всё у них тип-топ,

А тут не знаешь, на каком ты свете.

То на кровати мешкается клоп,

То ничего хорошего не светит.

Есть у кого-то дома корешки,

Как в сказке про счастливого медведя,

Но тут сплошные, так-растак, вершки,

А мне силос по показаньям вреден.

Я как Иона в чреве у кита,

Кругом кишки кровавые и темень.

Давно бы надо завести кота
И съездить хоть куда, да хоть бы в Йемен.
Но жизнь меня не балует никак,
Всё бьёт по голове ключом на десять,
Устраивает подлинный бардак,
Меня своей безмерной дурью бесит.
А я в кадастр планеты внесена,
Как эталонный вид белка живого...
Я в знак протеста на стекле окна
Чужой машины матерное слово
Пишу, на палец мёрзлый подышав,
Ведь на дворе зима, метёт позёмка
И закрывает от меня ландшафт,
Но слово я рисую для потомка.
Потомок, верь, взойдёт моя заря,
Придут ко мне признание и слава,
Ведь слово это я пишу не зря,
Ещё узнает обо мне Держава!
Мне лавры подвезут и постучат
В ворота, окна-двери кулаками
И ордена с медалями вручат,
А я их распотешу матюками...

Федя, дичь!

Марина Платонова

«Рядом с ним ты невелика птица! Ни пава, ни
ворона. Тёмный лес»

(пьеса «Сказки старого Арбата», 1973)

Радянты точно потоки бус

На подкорке неба.

У сильнейших локон извечно рус.

*

Радянты точно полны пыльцы!

Храню в шкатулке:

Непокорённый немой кальцит,

Две-три прогулки,

*

А мне любить в этот раз молчком.

Быть невидимкой.

Пришла дичком и уйду дичком.

В ночную дымку.

Лежу бревном, хороша, юна,

И пахну лесом.

В окно облаткой плывёт луна,

И скачет бесом

Моё сердечко туда-сюда,

Как мяч крокетный,

А где-то в речке бежит вода,
В тиши рассветной.
У всех комедь, у меня трагедь,
Что будешь делать!
Удел лишь звёзды считать, потеть
Душой и телом.
Иллюзий нет, да к тому же зуб
Болят и ноет.
Со мною критик сегодня груб,
Взял за живое.
Ведь вот же точечка, радиант,
А тож туда же,
Зарыть он хочет такой талант
С завидным ражем!
Я – амазонка различных рифм,
Краса поэзы.
Свой локоть острый воткну, как риф,
Под кожу влезу.
Ползу к Пегасу бочком, бочком,
Вот-вот взнуздаю...
Была дичком, а лежу рачком
В преддверье рая.

Конь в пальто

Марина Пономарёва,
Воспоминания о детстве

*

Мама выбьет из кукол крошку.
Мелкий щебень, цветной песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.